

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ: ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ ПОВЕРХНОСТИ

А. В. Скиперских

Институт права и экономики (г. Липецк)

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в данной статье автор рассуждает о том, как исключенные политические акторы доносят до аудитории протестные сообщения. С точки зрения автора, данная проблема может рассматриваться в контексте осваиваемых исключенными акторами поверхностей, на которые наносятся протестные сообщения: город с его материальным капиталом, непосредственный субъект протеста и его тело и коммуникации.

Ключевые слова: власть, город, коммуникация, поверхность, политический актор, политический текст, протест.

Abstract: in this article the author talks about how the excluded political actors convey to the audience the message of protest. Author thinks this problem can be seen in the context reclaimed excluded actors surfaces onto which the protest message: the city with its capital, subject of protest and his body, communication.

Key words: power, city, communication, surface, political actor, political text, protest.

Политическое участие в политологической науке принято рассматривать чаще всего в контексте институционализированных форм вовлечения в политический процесс, где его участники взаимодействуют с властью в рамках существующих «правил игры».

Любое отклонение от существующих правил со стороны тех, кто взаимодействует с властью, означает их маргинализацию. Власть привыкла к полному контролю над политическим дискурсом, что элиминирует неблагонадежных и несистемных акторов из числа потенциальных участников политического диалога. Тем не менее исключенные политические акторы, ускользающие из сферы влияния власти, стремятся подчинить себе неофициальные площадки для того, чтобы с их помощью адресовать аудитории свои политические сообщения.

Протестные площадки (поверхности), на которые накладывается политическое письмо, и оказываются в сфере нашего интереса. Субъект протеста – исключенный политический актор, – несомненно, является человеком говорящим и пишущим, что сказывается на его политических сообщениях.

Если практически любая поверхность может быть отмечена властью и письмом власти, то любая поверхность может быть связана и с сопротивлением и протестным текстом, наносящимся исподволь даже в тот момент, когда вероятность сопротивления представляется чем-то совершенно невероятным. В рассказе «Надписи» И. Бунина есть такое рассуждение: «Говорят, что человек есть говорящее животное. Нет,

вернее, человек есть животное пишущее. И количеству и разнообразию человеческих надписей – если уж говорить только о надписях – положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия» [1, с. 172].

Надписи, содержащие протестные послы, находили археологи при раскопках древнегреческих городов. Существуют они и среди нас в настоящее время. Бытие власти изначально сопровождается сопротивлением, что не может не отражаться в дискурсивных практиках. Очевидно, что объемы протестного письма и задействованных под него поверхностей значительно увеличиваются в периоды социальных трансформаций. Некоторые туристы специально ехали в Париж после мая 1968 г., чтобы фотографироваться на фоне посланий, оставленных на стенах городских зданий бунтовавшими студентами. Огромное количество туристов зимой 2013/14 г. посетило киевский Евромайдан, после чего у многих молодых людей в личном портфолио появляются протестные снимки.

Послания исключенных политических акторов все чаще появляются в политическом тексте, что делает их более заметными. Наша задача – классифицировать протестные поверхности.

Выделим 3 типа поверхностей.

Первый тип поверхности – непосредственно *город* со своим материальным капиталом (здания,

стены, крыши зданий, учреждения, вывески, дороги, улицы, уличные знаки, баррикады, контейнеры, деревья, столбы, памятники, остановки, рольставни, городской транспорт, вагоны и т.д.).

Второй тип поверхности – *человек* (тело, акты, одежда, прическа, ношение символов, перформансы и т.д.).

Третий тип поверхности – *коммуникации* (блогосфера, социальные сети, журналистика, искусство, театр и т.д.).

Необходимость заполнения пустого пространства следует рассматривать в контексте «диалектической схемы, представляющей собой неустанную игру оппозиций, их взаимодополнение. На пустую поверхность всегда будет напрашиваться письмо, его субъект будет томим стремлением соединения собственной воли с поверхностью. Граффити, фанатские надписи, хулиганские тексты и самое обычное признание в любви как раз и будут представлять собой акт субъекта в отношении пустого пространства, его протест против своеобразной пустоты и бессмысленности. Наоборот, уже наложенному протестному тексту может оппонировать стремление преодолеть его, стереть, либо наложить на него новое письмо. Так, школьная доска освобождается дежурными от различных надписей, не имеющих отношения к новой реальности» [2, с. 109].

О необходимости заполнения пустого пространства, на наш взгляд, убедительно высказывался Ж. Делёз, определяя задачу письма в том, чтобы «заставить пустое место циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, – короче, чтобы производить смысл» [3]. Субъект протеста – исключенный актер, кажется, испытывает неумное желание выражения, пытается заставить «говорить» пустое место, концептуализируя его и производя место – смысл.

Арт-активизм и предполагает поиск пустых мест/поверхностей, которым предстоит наложение протестного письма. Художник здесь «сообразуется со стеной, словно с рамой своего мольберта. Граффити же перескакивают с дома на дом, со стены на стену, на окно, или на дверь, или на стекло вагона, или прямо на тротуар; они налезают, изрыгаются на что попало, наползают друг на друга» [4, с. 163]. Граффити расползается по городу, будто неуправляемая ризома, опутывая своей паутиной сам город и его тело.

Итак, следует выстроить 3 варианта возможных субъект-объектных коммуникаций, связанных с нанесением протестного текста на поверхность:

- 1) субъект протеста – город и его материальный капитал;
- 2) субъект протеста – человек и его тело;
- 3) субъект протеста – протестная коммуникация.

Город как сумма поверхностей. Что касается коммуникации субъект – город, то она представляет собой столько возможностей для протестного письма, сколько есть поверхностей в самом городе. Наблюдение за протестным письмом показывает, что объектами письма могут выступать какие угодно поверхности, а политические практики арт-активизма с каждым годом становятся все более изобретательными и изощренными.

Неизбежность поглощения любой поверхности политическим изначально располагает любое письмо в контексте политического. Данное свойство поверхности не может не привлекать политических акторов, заинтересованных в объективации своих текстов.

Инструментальное отношение к поверхности является частью протестной философии. Другое дело, что актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными вариантами политических сообщений и использованными для этого поверхностями. Д. Шарп, например, указывает на такие любопытные формы протестного письма, как «надписи в воздухе (самолетами) и на земле (вспашкой почвы, посадкой растений, камнями)» [5, с. 101]. В несвободных странах, по мнению Д. Шарпа, люди зачастую могут именно так выражать свое право на протест.

Как правило, средства письма бывают зачастую экологичны, поэтому спокойно укладываются на поверхность. Предполагается, что надпись может быть легко «демонтирована». В этом смысле можно говорить о надписях огнем, восходящих к практикам факельных шествий.

Разве не выглядит экологично нанесенное книгами письмо на отбитом постаменте памятника И. Бунину в г. Ельце, выполненное арт-группой «23:59»? Подобное сообщение имеет безусловный политический характер, привлекая внимание общественности к невниманию городской администрации к памятнику классика. Или выложенная варениками надпись «Слава Украине» в период стояния на Майдане в декабре 2013 г.

Если с помощью протестного письма создается ощущение естественности определенной политической ситуации (например, анонимный автор подрисовывает ружье или мешок с деньгами в руку пешехода на дорожном знаке пешеходного перехода), то и само выбранное средство для письма должно быть экологичным. Нанесенный на асфальт трафарет не должен мешать движению. Также не мешают дорожному движению и раскрашенные цветными мелками повреждения дорожного полотна. Подобное протестное письмо стало популярным во многих городах России.

Маркированная протестным письмом поверхность не должна разрушаться. Наоборот, она должна продолжаться письмом, надстраиваться им (как в случае с памятником). Несомненно, существуют и другие формы нанесения текста на поверхности, когда достигается обратный эффект и движение затрудняется (баррикады, искусственные очереди, препятствование проезду и т.д.).

Следует отметить, что авторы протестных политических сообщений сохраняют анонимность. Зачастую им приходится работать в условиях авторитарных политических режимов, где перспективы политических репрессий очень велики. Тем не менее анонимность несколько преодолевается в случаях, когда политическое сообщение приписывается конкретному автору, не желающему показывать свое лицо и фигурировать в публичном пространстве. Примером этого может быть стрит-арт творчество Димы Dream – белорусского художника, осваивающего городское пространство и «внедряющего» в него свои идеи, которые становятся предметом для обсуждения в белорусском арт-сообществе и СМИ [6]. Интересным решением Димы Dream стал трафарет «Тупеем вместе», нанесенный на минский билборд с рекламой официального издания Белоруссии – газеты «Беларусь сегодня». Поверхности билбордов являются довольно притягательными для протестного письма. Примеры атак на билборды и световые короба можно обнаружить во многих городах.

Что-то подобное можно увидеть и в работах казахского уличного художника Паши Cas, объектами письма которого зачастую становятся уличные рекламные билборды. Хотя между белорусским и казахским примерами есть различие. Паши Cas в условиях довольно авторитарного режима Н. Назарбаева в Казахстане является достаточно публичной фигурой, нежели Дима Dream при режиме А. Лукашенко в Белоруссии, что наводит на мысль об «официальной оппозиционности» казахского автора.

Экологичность средств, с помощью которых наносится протестное письмо, заметна и на примере наномитингов в провинциальных городах современной России – «митингов без людей». Авторами протестных надписей являются либо игрушки и куклы (Барнаул, Томск, Апатиты), либо пластилиновые человечки (Данков и Елец в Липецкой области). Экологический характер подобных форм политического участия проявляется и в отсутствии проблемы «утилизации» средств протестного письма. Быстрая «утилизация» может быть связана еще и с проблемой экономичности бытия человека в российской провинции, что сказывается на его способности спокойно принимать в дар отслужившие вещи.

В качестве средств протестного письма в основном используются наклейки, стикеры, баллончики с

краской, с помощью которых изготавливается политическое граффити. На масштабность подобного явления и большие творческие способности субъектов протестного письма могут указывать стены тоннелей и железнодорожных откосов. Миллионы людей ежедневно сталкиваются с протестными посланиями во время передвижений в метро и на поездах, проезжая под мостовыми конструкциями, поверхности которых являются очень удобным местом для нанесения протестного письма.

Привлекательность подобных технологий как способа выражения протестных настроений служит причиной институционализации протестного письма, появления структур, деятельность которых направлена на регистрацию и фиксацию поверхностей протеста, а также разработку и концептуализацию новых протестных месседжей.

Тело как поверхность протеста. Еще одной формой поверхности протеста, равно как и средством письма, может быть и непосредственное тело субъекта протеста, которое изначально должно рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда привлекают внимание и вызывают резонанс, поэтому практики использования тела в качестве средства письма всегда обладают особой зрелищностью.

Необходимо отметить, что изначально власть сильнее тела, потому как оказывает на него давление и принуждает его, дисциплинируя и подавляя. М. Фуко заметил: «...тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытают, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [7, с. 39].

Протестный синдром в полном смысле затрагивает и тело индивида, пытающегося выскользнуть из сферы притязаний власти и, более того, даже объявить о собственном несогласии.

В феврале 2012 г. арт-группа «23:59» на снежном склоне Парка 40-летия Октября в Ельце выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». После выполнения надписи на месте лежащих тел появились сотни зажженных свечей, повторявших надпись, но уже огнем. Подобная акция представляет собой своеобразный ответ власти не в рамках существующих институтов, через созданные для этого механизмы (обращения, депутатские запросы, Общественная палата и т.д.), а, наоборот, является моментальной, электрической рефлексией на конкретную проблему [8, с. 173–174].

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма демонстрирует художник Петр Павленский (защитный рот, заворачивание в проволоку), протестуя против огра-

ничения свободы в России. Говоря об абсурдных примерах эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности, следует вспомнить и перформансы акциониста О. Кулика, изображавшего собаку. Известны своими практиками использования тела и активистки движения «FEMEN», а также представители различных антиглобалистских движений.

Тело и одежда – поверхность для нанесения сообщений, связанных с демонстрацией национальной и этнической идентичности. Зачастую можно увидеть примеры использования на одежде трафаретов, отсылающих аудиторию к политическим предпочтениям владельца поверхности. В Интернете существует огромное количество магазинов, предлагающих аудитории услуги по приобретению одежды с трафаретами – курток, футболок, толстовок, бейсболок и т.д. Безусловно, увеличивают предложение интернет-торговцев различные резонансные политические события. В этом смысле интернет-бизнес достаточно чутко улавливает политическую конъюнктуру.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всемогущим капиталом, единственное, что осталось у человека и принадлежит ему, – это его тело. В связи с этим протестное письмо логично накладывается на него. Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируясь в его теле и жизненном стиле. Именно тело человека становится тем пространством, которое предстоит освоить, чтобы донести до аудитории необходимое политическое сообщение. Отсюда сам человек со своим собственным телом превращается в политический концепт.

Освоение протестной коммуникации. Протестной поверхностью, подлежащей освоению политическим письмом, может быть и сама протестная коммуникация. Формы искусства и сами продукты, создаваемые субъектом протеста, в их рамках определенно могут располагать к нанесению протестного письма.

Искусство здесь в каком-то смысле покрывает субъекта, оказывая ему защиту, маскируя самого субъекта и его намерения. Обращение к различным формам искусства для выражения политического протеста является более чем объективным явлением – многочисленные примеры подтверждают это. Как отмечает П. Андерсен, попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики» [9, с. 41].

Творчество субъекта пишется языком протеста и объективируется в многообразии поверхностей – Интернете, литературе, живописи, кино, театре, архитектурных формах. Протестное содержание отме-

чает и политический перформанс – новую форму искусства, изначально возникшую в качестве альтернативы официальному искусству. Развитие Интернета способствует появлению такой формы донесения протестного послания, как демомотиватор, активно используемый в социальных сетях.

В политической истории СССР, равно и новейшей истории России, достаточно примеров, когда испытывающий необходимость выражения субъект пытался найти собственную поверхность протестного письма и вместе с ней свой неповторимый стиль. Чтения в Политехническом музее, «Бульдозерная выставка», многочисленные квартирники, перформансы А. Монастырского и группы «Коллективные действия», изобретавших свой язык, а вместе с ним и «Словарь терминов московской концептуальной школы» – все эти примеры только подтверждают применимость определения данных форм коммуникации с аудиторией в качестве протестных поверхностей.

Показательно, на наш взгляд, использование в качестве форм коммуникации наличных денег. Подобная поверхность протеста пока не является популярной, но тем не менее есть примеры, когда субъект протеста осваивает именно данную поверхность.

Что касается российской практики, то массовое освоение протестных поверхностей становится опасным симптомом для власти, попытавшейся после зимних митингов 2011/12 г. систематизировать протест, обусловив его значительными правовыми спецификациями. Власть привыкла к мысли о полной просматриваемости всех коммуникаций, поэтому любая неконтролируемая попытка противостояния доставляет ей значительное неудобство, подвергая сомнению ее легитимность.

Таким образом, можно сделать вывод о зависимости протестной компоненты в политическом тексте и объемов задействованных для нее протестных поверхностей. Затруднение присутствия в политическом процессе для исключенных акторов в рамках официальных «правил игры» значительно активизирует их творчество в неофициальном секторе. Появление ограничений на присутствие в политическом процессе для исключенных акторов, по сути дела, провоцирует радикализацию их политического творчества и дальнейшее расширение как объемов протестных поверхностей, так и форм, с помощью которых доносится политическое сообщение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 5. – 544 с.
2. Скиперских А. В. Поверхности протеста : особенности политического письма в современной России /

А. В. Скиперских // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 108–113.

3. Делёз Ж. Логика смысла. *Theatrum philosophicum* / Ж. Делёз, М. Фуко ; пер. с фр. Я. И. Свирского. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.

4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет ; КДУ, 2009. – 387 с.

5. Шарп Д. От диктатуры к демократии / Д. Шарп. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. – 224 с.

6. «Круг интересов» Димы Dream. – Режим доступа: <http://artaktivist.org/krug-interesov-dima-dream/>

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова. – М. : Ad Marginem, 1999. – 479 с.

8. Скиперских А. В. Политические перформансы арт-группы «23:59» в дискурсе литературных текстов / А. В. Скиперских // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 172–176.

9. Андерсен П. Истоки постмодерна / П. Андерсен ; пер. с англ. А. Аполлонова. – М. : Территория будущего, 2011. – 208 с.

Институт права и экономики (г. Липецк)

Скиперских А. В., доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: pisatels@mail.ru

Тел.: 8-910-354-85-92

Institute of Law and Economics (Lipetsk)

Skiperskih A. V., Doctor of the Political Sciences, Professor of the State and Legal Disciplines Department

E-mail: pisatels@mail.ru

Tel.: 8-910-354-85-92